

Рано утром Вэнь Чэн толкнул дверь тренировочного зала — и снова застал там Цзин Сючжу.

На соседнем пустующем столе лежало одеяло. Вэнь Чэн в недоумении оглядел его:

— Ты чего... В свою комнату спать не пошёл, специально тащился с одеялом сюда?

— Нин Цзяньцзина, — сухо откликнулся тот.

Вэнь Чэн на секунду опешил:

— Чего? Он тут спал? Или вы... вдвоём?

Цзин Сючжу, даже не обернувшись, протянул назад руку. Между его пальцами был зажат вырванный откуда-то клочок бумаги.

Вэнь Чэн взял его. Подписи не стояло — лишь размашистые, дерзкие строчки:

* «Старый чёрт, а где мои тридцать одеял?!»*

Это же фраза, которой Цзин Сючжу поддел парня в самый первый день!

Вэнь Чэн пододвинул стул поближе, вернул бумажку и с ехиднейшей ухмылкой протянул:

— Так вы с ним теперь... в каких отношениях? Мне его невесткой звать? Или тебя — жёнушкой босса?

Цзин Сючжу промолчал.

Забрав записку, он механически провел пальцем по бумаге. В голове внезапно вспыхнуло вчерашнее подмигивание Нин Цзяньцзина — от него до сих пор укололо где-то в груди.

На что это было похоже?

На выстрел из засады в финальном круге. Точный, хладнокровный, заставший врасплох.

Старший брат уверял, будто у парня душа нараспашку, хитрости ни на грош, да и на слабо его взять проще простого — мол, заводится с пол-оборота.

А на самом деле эта мелкая зараза оказалась изощрённее десятка хитрецов, вместе взятых.

Он был мстителен, умел строить козни и подставлять подножки так тонко, что поначалу даже сам Цзин Сючжу попался на эту удочку, приняв его за избалованного мажора, разбазаривающего братские деньги.

Цзин Сючжу сжал бумажку в кулаке, скомкал и швырнул в корзину:

— Ничего между нами нет.

Вэнь Чэн слегка нахмурился и долго, недоверчиво разглядывал капитана.

— Если он тебе не нравится, за каким чертом ты с ним так поступаешь? — осторожно поинтересовался он.

Цзин Сючжу повернулся к нему. Он понятия не имел, с чего начать: объяснять ли, что Нин Цзяньцзин ему не нравится, или доказывать, что он с ним ничего такого не делал. Оба варианта выглядели тупиковыми.

Сейчас, когда весь штаб свято верил, будто он завалил Нин Цзяньцзина прямо в кабинете, любые оправдания звучали как лепет конченого мерзавца, который воспользовался и выбросил. Блёкло, беспомощно и оттого ещё более подло.

— Вэнь Чэн, — Цзин Сючжу посмотрел ему прямо в глаза и, чеканя каждое слово, произнёс: — Я в тот день в кабинете всего лишь сжал Нин Цзяньцзину запястье. Ты мне веришь?

Вэнь Чэн ненадолго задумался, а затем с глубокомысленным видом протянул свою руку:

— На, сжимай.

—... Отлично, — выдохнул Цзин Сючжу.

Похоже, отмыться от этой репутации ему не светит до конца дней.

Хотя Нин Цзяньцзин и был невероятно хорош собой и спесив, разнеженной девицей его назвать бы язык не повернулся. Напротив, этот малый был набит коварными замыслами по самую макушку, а его глаза сияли так, будто в них отражались миллиарды звёзд.

И за каждой из этих звёзд таилась очередная подлянка, от которой невозможно уберечься.

Вчера в кабинете, когда парень нарочно застонал во весь голос, в уголках его глаз плескались чистейшая провокация и дерзость.

Он был похож на неукротимый огонёк, легко и безапелляционно раздувающий давно истлевшие угли в чужих душах. Каждое его движение, каждая ухмылка балансировали на грани: хочешь — считай его заносчивым гордецом, хочешь — сладким искусителем.

Главное — он всегда добивался своего.

Цзин Сючжу сжал пальцы в кулак. Ах ты, мелкий паршивец...

«Ещё раз попробуешь играть с огнём — придушу на месте».

— Апчхи!

Тихий чих бесцеремонно вырвал Цзин Сючжу из размышлений.

Нин Цзяньцзин непонятно когда успел вырасти в дверном проёме. Потирая кончик носа, он одарил капитана свирепым взглядом.

Цзин Сючжу стиснул зубы, подавляя раздражение.

— Капитан Цзин, — Нин Цзяньцзин сладко зевнул, подошёл к столу и развалился на стуле.

— Ближе к делу, — огрызнулся Цзин Сючжу.

Из-за зевоты и чихания уголки глаз парня покраснели и влажно заблестели.

— Я есть хочу, — вяло пролепетал он.

У Цзин Сючжу дёрнулась бровь. Так и знал! Не просто так этот паршивец уступил ему одеяло.

— И чего ты хочешь? Чтобы я лично тебе приготовил? — Цзин Сючжу носком кроссовка зацепил ножку его стула, подтянул ближе к себе и с фальшиво-ласковой улыбкой спросил: — Может, ещё и с ложечки покормить? Руками или сразу из рта в рот?

— Фу, гадость какая, — скривился Нин Цзяньцзин. — Просто сходи в столовую и принеси. Я уже заглядывал туда: дядюшка Чэнь сказал, что сегодня баоцзы со сладкой пастой из красной фасоли. Намешай мне парочку.

На этот раз Цзин Сючжу откровенно заскрипел зубами. Этот кадр сам ходил в столовую, но еду брать не стал, а вернулся, чтобы гонять капитана?!

Совсем обнаглел?

Нин Цзяньцзин с невероятно измождённым видом приподнял голову:

— Я вчера отдал тебе своё единственное одеяло, всю ночь мёрз и теперь простудился. Кажется, даже температура поднялась... Я же ничего сверхъестественного не прошу, просто пару булочек. Неужели тебе трудно...

— Заткнись уже, — Цзин Сючжу поднялся.

Однако у самой двери он вспомнил болезненный румянец на лице парня — тот и впрямь выглядел паршиво.

Достав из шкафчика градусник, Цзин Сючжу ловко протёр его антисептиком, вернулся к столу и коротко бросил:

— Рот открой.

Нин Цзяньцзин поднял взгляд, несколько раз хлопнул ресницами и покорно зажал термометр губами.

— Выплюнешь — придушу. Понял?

Из-за лёгкого жара бледные щёки юноши заметно порозовели, а глаза затянуло мутной поволокой. Он послушно кивнул.

Сердце Цзин Сючжу невольно отмякло:

— Жди. Я быстро.

Вэнь Чэн с открытым ртом наблюдал за этой сценой. Лишь когда капитан скрылся за дверью, к нему вернулся дар речи. Он шокированно уставился на Нин Цзяньцзина.

А тот, едва Цзин Сючжу переступил порог, мгновенно выпрямился, вытащил изо рта градусник, с брезгливым «тьфу-тьфу» отложил его и закинул ногу на ногу с вальяжностью настоящего барина.

— Б-босс... — пролепетал Вэнь Чэн.

Нин Цзяньцзин повернул голову и только сейчас заметил, что в комнате находится кто-то ещё. Он тут же поджал ноги, моментально обмяк и снова принял вид глубоко несчастного,

угасающего больного:

— А? Что такое? — прохрипел он еле слышно.

Вэнь Чэн окончательно онемел. Он заворожённо переводил палец с парня на пустующее кресло Цзин Сючжу, а затем молча отвернулся.

— Да так... Ничего.

Теперь он готов был поверить, что капитан действительно пальцем его не трогал.

Цзин Сючжу предпочитал пресную пищу и сладостями не увлекался.

Дядюшка Чэнь с улыбкой переспросил:

— Ты уверен? Насколько я помню, ты же сладкое не жалуешь. Вкусы изменились?

Цзин Сючжу, набирая завтрак для себя и Вэнь Чэна, неопределённо буркнул:

— Это не мне.

Повар тут же расплылся в доброй ухмылке:

— А-а, для господина Нина? Он только что прибежал, попробовал один баоцзы, похвалил и сказал, что позже кого-нибудь пришлёт забрать.

Рука Цзин Сючжу дрогнула. Выскользнувшая из щипцов булочка покатилась по полу, собирая пыль.

—... И что ещё он наговорил?

— Да ничего особенного, — ответил дядюшка Чэнь. — Пожаловался, что запястья ломит и будто бы температура поднимается. Я спросил, что стряслось, а он лишь отмахнулся: мол, пустяки, а если разболеется, капитан его вообще выставит за дверь.

... Так вот почему этот мелкий мерзавец послал его за едой! Решил разыграть перед персоналом спектакль.

Что ж, капитану не трудно ему подиграть.

С абсолютно непроницаемым лицом Цзин Сючжу поднял грязный баоцзы с пола, отправил его в урну и взял из рук повара пакетик со свежей выпечкой.

— Да уж, — с едва уловимой ироничной улыбкой проговорил он. — Капризничает парень, отказывается спускаться.

Дядюшка Чэнь сочувственно вздохнул:

— А по-моему, хороший он юноша. Без этого барского высокомерия — посидел со мной, про кухни разных стран поболтал... К тому же он всё-таки владелец команды, не стоит тебе на него так ополчаться.

— Да какое там ополчаться! Вы же знаете, какими бывают избалованные мальчишки в его возрасте. Чуть что — сразу губы дуть, ластиться, капризничать. Стоит хоть ненадолго ослабить внимание или сказать не то слово — тут же раздует трагедию на весь мир, чтоб все вокруг знали, как его, бедняжку, обидели.

Повару показалось, что он понял намёк слишком буквально. Рука, державшая бумажный пакет, слегка дрогнула.

— Д-да... молодёжь нынче такая... У меня внук точно такой же...

Внуку дядюшки Чэня недавно исполнилось четыре года.

Цзин Сючжу решил, что старик проявил чрезмерную сдержанность и не дал воли фантазии. Это нужно было исправить.

Выждав паузу и тщательно подбирая выражения, он с глубоким вдохом добавил:

— Вчера из-за этого одеяла весь вечер капризничал, а сегодня с утра заставил за этими булочками бежать. До сих пор толком успокоить не могу. Если сейчас не ублажить, во время тренировки опять устроит сцену. Характер — врагу не пожелаешь.

В глазах повара вспыхнуло мгновенное прозрение:

— Понял-понял, всё понимаю!

Увидев на лице старика выражение абсолютного и недвусмысленного «о-о-о, теперь-то мне всё ясно!», Цзин Сючжу с чувством выполненного долга развернулся и пошёл обратно в

тренировочный зал.

Мелкий паршивец решил поиграть с ним в коварство?

Молоко на губах не высохло.

Тренировочный зал основного состава FRG располагался на втором этаже, а академия юниоров занимала северо-западное крыло первого.

Спустившись к лестничному пролёту, Цзин Сючжу заметил у дверей академии юниоров юнца, который то и дело боязливо высовывал голову в коридор.

Капитан простоял пару секунд, с головной болью наблюдая за этими манёврами — парень явно хотел подойти, но не решался.

— Янь Сяо, дуй сюда.

Юноша рефлекторно отпрянул назад. Цзин Сючжу недовольно зашипел и, перехватив пакеты с завтраком, сам направился в академию юниоров.

Час был ранний, так что в академии юниоров находились только Янь Сяо и ещё один парень постарше — Цзин Сючжу его не знал, видимо, из свежего набора.

Оба юниора вытаращили глаза и во все лопатки уставились на неожиданно возникшего на пороге капитана.

— К-капитан Цзин...

Цзин Сючжу смерил их озадаченным взглядом:

— Чего шныряете? Случилось что?

Янь Сяо судорожно сглотнул. Он то кивал, то замотал головой, не зная, с чего начать, и лишь спустя пару секунд с трудом выдавил:

— Ну... мы тут на днях с одной командой в сквадах столкнулись...

— Сильные? — перебил Цзин Сючжу.

Янь Сяо активно закивал, а затем, посчитав это недостаточно убедительным, отчаянно закивал снова.

В этот момент в двери вошёл тренер Линь. Услышав разговор, он тут же вмешался:

— Ах да! Я вчера спешно уехал и не успел тебе рассказать. Ребята уже несколько дней подряд натываются на этот состав. После пары разгромов у них тильт начался, вот они и пошли к Сяо Суну за помощью.

Цзин Сючжу вскинул бровь:

— И?

— Сяо Сун пару вечеров покатал с ними в пати, — продолжал тренер Линь. — И, представляешь, тоже дважды на них нарвался. Даже он едва смог оказать сопротивление. Я разбирал реплеи — парни реально хороши. И макро-понимание, и индивидуальный скилл... Есть в их игре что-то от тебя прежнего.

Цзин Сючжу слегка нахмурился. Янь Сяо, затаив дыхание, следил за выражением его лица и нервно ковырял ногти, до смерти боясь навлечь на себя гнев капитана.

Повисла небольшая пауза.

— Ладно. Передохните пока, а я... — Цзин Сючжу сверился с мыслями. — В девять загляну к вам.

Он похлопал юношей по плечам:

— Поражения в нашей сфере — дело обыденное. Если вы от пары неудачных дней впадаете в тильт, то что делать тем, кого я лично напрочь стирал с карты? Им сразу завершаться?

— Да-да, капитан! — закивал Янь Сяо.

— Тренер Линь, поднимись со мной.

Линь Фаньюань ободряюще улыбнулся юниорам, велел им не забивать голову и спокойно тренироваться, а сам ускорил шаг, догоняя капитана:

— Не сравнивай их с собой. Они же совсем зелёные, турнирного пороку не нюхали. Впервые столкнулись с настолько серьёзным оппонентом — понятное дело, мораль просела.

— Понятное?.. — Цзин Сючжу искоса посмотрел на тренера. — На турнире психологическая устойчивость решает вообще всё. Спроси у Линь Фэна: каково это, когда ты дважды почти держишь в руках кубок чемпиона мира, а тебя в последний момент снимают моим выстрелом? Спроси, тильтует он или нет.

Тренер задумчиво почесал затылок:

— А ты уверен, что он не тильтует?

— Если бы он ломался от такого, давно бы повесил девайсы на гвоздь. Вчера вечером он вообще заявился с предложением стать капитаном нашей команды! Представляешь степень ублюдства?

—... По-моему, только ты один считаешь, что у него стальные нервы.

Цзин Сючжу толкнул дверь основной тренировочной, подогрел в микроволновке молоко и вместе с пакетом булочек поставил прямо перед Нин Цзяньцзином.

— Наворачивай, ваше величество.

Передав остатки завтрака Вэнь Чэну, капитан бросил тренеру:

— Выведи на экран записи игр Сяо Суна, взгляну.

После чего снова повернулся к юноше:

— Есть температура?

Нин Цзяньцзин лениво приподнял подбородок и пододвинул градусник по столу:

— Не знаю. Не разбираюсь в этом.

Цзин Сючжу взял термометр. Небольшой жар действительно был, но ничего криминального.

— Поешь и дуй к врачу Мяо за лекарствами.

Нин Цзяньцзин ничего не ответил. Достав из пакетика баоцзы, он откусил кусок и с набитым ртом пробормотал:

— Капитан Цзин, ты чего так долго копошился? Булочка остыть успела, а молоко, наоборот,

обжигающее. И вообще, что за бренд? Слишком выраженный парной запах, пить невозможно.

У Цзин Сючжу снова дёрнулось веко. С ласковой ухмылкой он проговорил:

— Давай-давай, изволь выдать ещё парочку претензий.

Нин Цзяньцзин забрался с ногами на диван, обхватил стакан с молоком и, отвернувшись, процедил впроброс — громко, чтобы услышал каждый:

— Вчера в полночь мне горячий ужин привезли быстрее, чем ты до столовки дошёл. А молоко реально отдаёт сыростью. Уже и правду сказать нельзя...

—... Не хочешь — не пей, отвали, — выдохнул Цзин Сючжу.

Нин Цзяньцзин обиженно опустил веки. Капитан смотрел, как тот с поджатыми губами делает крошечный глоток, а затем с мученическим видом проталкивает его через горло, и чувствовал, как от этой картины сводит челюсть.

— А ну отдай.

Нин Цзяньцзин поднял на него глаза:

— Чего?

— Молоко давай. Проверю, чем тебе там воняет.

<http://bllate.org/book/20061/1991277>